

Мид и Блаватская, 1891

Краткое биографическое введение

Дж. Р. С. Мид, учёный с высокой интуицией и проницательностью, чья литературная деятельность пришлась на вторую половину XIX — начало XX века, должна считаться первопроходцем в области гностических и герметических исследований. Как точно заметил покойный поэт и исследователь, эзотерики Кеннет Рексрот в предисловии к изданию «Фрагментов забытой веры» Мида, вышедшему в конце 1950-х годов в издательстве «Юниверсити Букс», единственной причиной, по которой многие учёные пренебрегают Мидом, является тот факт, что он был теософом. Когда в 1887 году в Лондоне поселилась грозная мадам Блаватская, молодой Мид присоединился к компании её близких соратников. В кругу Блаватской он узнал о глубоких тайнах гностиков и последователей Гермеса. Вскоре он стал неутомимым переводчиком гностических и герметических текстов.

В 1890–1891 годах он начал публиковать в журнале Блаватской свой перевод великого гностического труда «Пистис София», который стал первым гностическим кодексом, доступным в популярном, но точном переводе в то время и на протяжении многих последующих лет. За ним последовали другие крупные работы, а также замечательная серия небольших книг под общим названием «Отголоски гностицизма», которые в течение нескольких лет публиковались издательством «Теософское общество» в Лондоне.

Именно в этой серии томов, содержащих множество подлинных жемчужин гностического и герметического происхождения, впервые были опубликованы «Гимны Гермеса». На протяжении многих лет не все уважаемые люди считали, что Мида нельзя ценить из-за его «зловещих» связей с теософией.

Согласно личному рассказу, который дал автору этой книги коллега Юнга, исследователь гностицизма Жиль Квиспель, К. Г. Юнг специально приехал в Лондон в последний период жизни Мида, чтобы поблагодарить его за новаторскую работу по переводу и комментированию гностико-герметических текстов. Юнг ценил в Миде не только его выдающуюся эрудицию и элегантное владение английским языком, но прежде всего его близость к опыту гностицизма. Мид писал о древних книгах мудрости как бы изнутри. Именно благодаря своим связям с Блаватской и её окружением он справедливо чувствовал себя духовным родственником искателей и открывателей Гнозиса, живших давным-давно и далеко отсюда.

В этом он был похож на К. Г. Юнга, который сказал Барбаре Ханне, что, встретив древних гностиков, он наконец-то оказался среди старых друзей. Академическая оценка таких симпатий по-прежнему невелика, как ясно следует из послесловия к третьему, переработанному изданию «Библиотеки Наг-Хаммади» на английском языке. Ричард Смит, главный редактор работы, обвиняет Блаватскую, Мид и К. Г. Юнга в том, что они использовали гностицизм в своих целях без, по его мнению, достаточных оснований. К сожалению, в нашей культуре академические предрассудки меняются чрезвычайно медленно.

История современной герметической науки полна перипетий. До второй половины XIX века герметическая литература чаще всего считалась подделкой, созданной неоплатониками. К 1850-м и 1860-м годам такие учёные, как Партей, Арто, Менар и другие, начали подвергать эти идеи сомнению. В начале XX века Рейтценштейн опубликовал свой перевод «Поймандра» и доказал, что «Герметика» — это эллинистическая египетская духовная литература. Мид полностью поддержал новую точку зрения, и она оказалась верной. Возможно, теософы, присваивавшие древние традиции, в конце концов, не так уж плохо разбирались в них!

Можно сказать, что величайшей заслугой Дж. Р. С. Мида была его способность постигать внутренний, духовный смысл герметических и гностических текстов. Его пылкий дух, вдохновлённый его теософской ориентацией, проник в эмпирическое ядро этих древних записей и увидел в них послание, неподвластное времени, подтверждающее человеческий потенциал к преображению и высшую мудрость трансцендентности. За это, а не только за его научные труды, мы в вечном долгу перед Дж. Р. С. Мидом.

— Стефан А. Холлер, «Введение в «Гимны Гермеса»», Phanes Press, 1991, стр. 19-22